

Георгий СМИРНОВ

Старик и Смерть
(рассказ)

Георгий Смирнов Старик и смерть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68738919

SelfPub; 2023

Аннотация

Нежданный гость осенним вечером зашел на чаек. Разговор о жизни под сгущающиеся сумерки.

Георгий Смирнов

Старик и смерть

Ускользящие лучи последнего осеннего солнца падали, с трудом пробиваясь сквозь мутное, давно немывтое оконное стекло на клавиши пишущей машинки. Пыль надежно укутала ее бархатной серой пеленой, матово серебрилась в закатном свете, завивалась причудливыми фигурами, рождаемыми слабым сквозняком из чуть приоткрытой форточки. В каретке машинки сиротливо ютился чистый белый лист, пожелтевший от времени. Старик сидел у окна и смотрел.

Он слышал крики детей, резвящихся во дворе, радующихся последнему теплу, наблюдал за их беготней и размышлял. Он думал о том, как легко им жить, любить эту осень, это солнце просто за то, что они есть. Как хорошо уметь наслаждаться каждым мигом, каждым мгновеньем своего нехитрого существования, смеяться, если смешно, и плакать, если обидно. И что им до того, что эта осень для них не последняя, что пройдет зима, весна, окончится лето, и ровно через год все повторится вновь. Хотя вновь ли?

Старик усмехнулся. Нет, наверное, для детей каждая их осень *новая*, несущая свои запахи, настроения. Ведь говорят, что собаки тоже каждое утро встречают *новое* солнце. Да и они сами через год будут не такие, как сегодня. Господи, что

такое год для него, старика, – всего лишь еще одно движение маятника, еще один потерянный виток заводной пружины, не более. И каждая последующая осень, в общем-то, не отличается от предыдущих – разве что чуть больше дождей, да заморозки нынче ранние, вы не находите? Нет? Так я и говорю – осень то та же, просто это мы сделали круг и вернулись туда, откуда ушли. Так и ходим, как ослики по кругу, а сами-то говорим: время идет, время!

Дети, играющие в свои загадочные игры, непостижимые взрослым умом. Забавно, но вряд ли они задумываются об этом, полагая, что нет ничего сложного просто поверить в то, что все происходящее с ними в данный момент вовсе не игра, а самая что ни на есть правда. Даже к концу жизни лишь единицы из них сумеют избавиться от иллюзий и смогут понять, что окружающая их реальность ничем не правдивее их детских грез. Только в играх всегда есть шанс что то изменить, в конце концов, поменять правила, а если уж совсем не заладилось – бросить все и просто пойти погулять, пытаюсь придумать что ни будь новенькое. Взрослая жизнь не позволит с собой таких вольностей. Редкие люди способны идти наперекор судьбе, диктуя ей свои условия, да и то не известно в точности, не являются ли они всего на всего игрушками в ее лапах. А что говорить об остальных, которых просто несет по течению, швыряет о коряги, волочет брюхом по каменистому дну, а то вдруг поднимет волной к самому солнцу и... Да, выше взлетел – больше падать. А люди суеются, де-

лают вид, что решения принимают именно они, что все под контролем, так оно и было задумано. Смешно. Потому что все это всего лишь иллюзия.

Старик смотрел на деревья, оголившие свои ветви в преддверие зимы, на разноцветный ковер листвы, сплошь укрывший землю и пешеходные дорожки, смотрел на лужи, оставшиеся после ночного дождя. Он видел неброскую красоту этого дня, но в душе его ничего не шевельнулось. Старик усмехнулся и потянулся за сигаретами. Чиркнула спичка, и рукотворный огонек расцвел в дрожащих морщинистых руках. Кончик сигареты мерцал в наступающих сумерках, и сизое табачное облако расплзлось по комнате, образуя причудливые комбинации с пылью, клубящейся в закатных солнечных лучах. Старик ждал.

Скрипнула дверь, и в комнате повеяло прохладой. Казалось, легкая тучка на мгновение закрыла солнце, и вот оно уже светит вновь, но промозглый холод не торопится уходить, проникает в пол, стены, пропитывает сам воздух. Старик обернулся. Тусклая серая фигура, стоящая посередине комнаты, приветственно кивнула.

– Ты кто? – спросил старик, заранее зная ответ.

– Я – твоя смерть, – ответила Смерть.

– Глупо спрашивать, за чем ты пришла. – старик смеется, но смех перерастает в хрипящий грудной кашель. – А почему именно сегодня?

– Пришел твой срок, – просто ответила Смерть.

– Срок? А кто его устанавливал, мой срок? – старик с вызовом глянул туда, где у смерти должно было быть лицо, но увидел лишь клубящуюся серую дымку. – Уж не ты ли?

Смерть молчит.

– Нет уж, ответь! Я, на пример, не хочу умирать сегодня. У меня еще куча дел, знаешь ли. Посуда не вымыта, и, да ... конечно! Роман за меня кто будет писать? Дело, можно сказать, к финалу, а тут... Нет, сегодня не пойдет. – старик затягивается и выпускает тонкую струйку дыма в потолок.

Смерть молчит.

– Ну, правда, а к чему спешить? – старик, кряхтя, поворачивается на стуле лицом к своему странному гостю. – Ты присаживайся, не стой, в ногах правды нет, давай лучше поговорим, что ли...

Смерть молча пересекает комнату и садится в старое потертое кресло в самом дальнем затененном углу. Засыпающая муха вяло бьется об стекло с негромким монотонным жужжанием. Солнце за окном касается верхушек увядших тополей.

– Ты, конечно, все-таки гость, хоть и, прошу прощения, незваный, а гостя вроде положено угостить чем-нибудь... Может, чайку? – спросил старик и невесело усмехнулся. – Давненько у меня не было гостей, пусть даже и незваных. Я могу поискать, у меня где то печенье должно быть, только оно жестковатое, грызть его мне нечем, а с чайком оно и ничего... Хотя о чем я говорю, тебе, наверное, это все давно

уже не нужно, в смысле еда...

– Нет, от чего же? – неожиданно проговорила Смерть глухим, несколько хрипловатым голосом. – А лимон у тебя есть?

Старик опешил.

– Ну, если лимона нет, то можно и так. – Смерть сокрушенно вздохнула, – В кои то веки тебе чаю предлагают, а лимона нет. А я люблю, что бы был с кислинкой.

Старик вздрогнул, очнулся. – Есть лимон, только... засахаренный. Пойдет?

– Конечно, пойдет! Так даже лучше, горечи меньше.

Старик тяжело поднялся со стула, затушил окурок в пепельнице и, сунув ноги в разношенные шлепанцы, зашаркал на кухню. Раздался плеск воды, приглушенное чертыханье, чиркнула спичка. Скрипнули дверцы буфета, зашуршали раздвигаемые пакеты, звякнула посуда. Спустя какое то время старик появился в дверях комнаты с подносом в руках. Подойдя к небольшому столику, стоящему у кровати, он поставил на него два стакана чая в старинных почерневших серебряных подстаканниках, сахарницу с отбитой ручкой, тарелку с печеньем.

– Если чего, я еще за кипятком схожу, – сказал старик, взглянув на Смерть. – И заварка еще осталась. Садись, что ли!

*****

– Дурацкая у тебя все-таки работа, – сказал старик, потягивая вторую кружку чая, – ходишь, ходишь, людей со свету сживаешь. И не надоело тебе?

– Привык, – ответила Смерть, отправляя кусочек печенья прямиком в серое марево, заменявшее её лицо, – хотя надоело, конечно. Не все такие любезные, как ты.

– А с выходными как?

– А никак. Работа да работа. Тебе вот повезло, у меня перерыв выдался. Давненько такого не случилось. А ты как?

– Старею, – вздохнул старик, – кости ломит, ноги почти не ходят. Только и остается, что в окошко смотреть да размышлять...

– А родные как?

– Где они, родные то? Отец с матерью сам знаешь где, жена тридцать лет как ушла, дети... дети, поди, выросли, внуков нянчат. Только не знаю я, как они. Не звонят, не заходят, своя жизнь у них, взрослая! – старик закашлялся, пытаясь скрыть подступившую обиду. – И ведь не понимают они ни черта! Думают, что так и будут всю жизнь крутиться, есть, пить, за шмотками бегать да на работе зарплату выклянчивать посOLIDнее. А жизнь то, она, вдруг, глядишь, да и кончилась. Дети выросли, с работы погнали по старости, никому ты не нужен, ходишь по парку каждый день хоть в жару, хоть в стужу, что бы еще как то живым себя чувствовать! А получается все хуже и хуже, ноги гудят, спина болит, простуды

вечные. Иногда думаешь, а на кой мне все это надо? – старик в сердцах хлопнул ладонью по столу и вдруг испуганно замер, сообразив, с кем он пьет чай за одним столом. – Ты, это, не слушай, это я так, ворчу просто...

– Не знаю, не знаю, – задумчиво сказала Смерть, разглядывая стакан с чаем, – ну сам подумай, за что ты цепляешься? Разве это жизнь? А я тебе предлагаю выход – раз, и все! Никаких мучений, боли, ничего!

– Нет, нет! Ты меня неправильно поняла! Это я расчувствовался, разволновался, а на самом деле дел у меня полно, извини за каламбур!

– Это каких же? – ядовито поинтересовалась Смерть.

Старик съежился и судорожно забегал глазами по комнате. Наконец взгляд его наткнулся на пачку сигарет, лежащих на подоконнике. С трудом до нее дотянувшись, он выудил оттуда сигарету, размял ее задеревеневшими пальцами и прикурил.

– Курить вредно! – заметила Смерть.

Старик поперхнулся дымом и закашлялся, однако сигарету все-таки не затушил. Несколько минут прошло в молчании – гость, казалось, потерял к беседе всякий интерес и неторопливо прихлебывал чай, не забывая при этом о печенье, а хозяин успокаивал свои нервы. В облаке табачного дыма на комнату опустилась тишина. Наконец Смерть поставила опустевший стакан на стол и удовлетворенно откинулась в кресле, практически растворившись в наступившей темно-

те. Старик раздавил окурок в пепельнице, глотнул остывший чай и щелкнул выключателем. Неяркий свет настольной лампы осветил поднос с остатками чаепития, сахарницу с отбитой ручкой и недокуренную пачку сигарет. Комната же полностью погрузилась во мрак. Повисла неловкая пауза. Наконец, старик решился.

– Мне... нужно закончить мой роман. – произнес он срывающимся голосом. – Это дело всей моей жизни. Все эти годы я жил ради него, терпел окружающую меня бессмысленность. Мне плевать на то, о чем думают и что делают другие. Ради чего живут. Смысл моей жизни мне известен. Я должен закончить мой роман! Он – мой настоящий ребенок, и я должен дать ему жизнь.

– Но у тебя же есть дети, – удивилась Смерть, – чем они хуже?

– Они – не хуже, они – другие. Просто они выросли и забыли меня. Я им больше не нужен...

– А роман? Ты думаешь, ты будешь нужен своему роману? Не смей меня! Предположим, ты его закончишь, и что?

– Я буду пытаться его напечатать. Нет, я его напечатаю, и пусть даже его прочтут единицы, но если они его поймут, я буду считать свой долг выполненным!

– Долг? Перед кем?

– Ну не знаю, – Старик замялся, – ведь ради чего-то я жил? А если мой роман достучится до чьей-нибудь души, значит, я все-таки жил не зря. Значит, я вложил в него то, что

хотел. И, возможно, благодаря этому, кто-то станет чуточку лучше. Мне этого хватит.

– Красиво, красиво, не спорю! – Смерть вновь придвинулась к столу. В свете настольной лампы ее очертания едва угадывались, и старику показалось, что он разговаривает с призраком. Однако пустые стаканы и остатки съеденного печенья убеждали его в том, что он не сошел с ума.

– Я не понимаю одного, – продолжила Смерть, – а что мешало тебе вложить что то такое не в роман, а в своих детей? Неужели ты не хотел сделать их чуточку лучше? Или тебе непременно надо облагодетельствовать миллионы? Ты уж меня извини, но это уже тщеславие!

– Ты жестока! – старик посмотрел на Смерть. – Тебе тяжело возражать. Но скажи, что я мог сделать тогда? Я был слишком молод, я многого не понимал, зато теперь я могу объяснить людям то, до чего дошел на закате своей жизни. Как я мог объяснить это своим детям тогда? Как я мог сделать их лучше?!

– А, может быть, нужно было начать с себя? И как знать, возможно, все повернулось бы по иному...

– Мне нечего тебе сказать. – Старик поднялся со стула и, подойдя к окну, прикрыл форточку. – А ты все же неучтивый гость!

– Извини, – ответила Смерть, – не хотела тебя обидеть. Просто вырвалось.

– Да ладно, в чем-то ты права... – старик, заложив руки

за спину, ходил из угла в угол по темной комнате.

– А о чем твой роман?

– Тебе и вправду интересно?

– Теперь ты ведешь себя неучтиво! Или ты думаешь, что я кроме работы ничем уже и не интересуюсь?

Старик остановился и обернулся к креслу. – Я пишу о жизни.

– О!

– Это что, насмешка?

– Нет. Но что ты о ней помнишь? Ты живешь один уже столько лет, твой круг общения ограничивается продавцом в магазине, почтальоном, приносящим тебе пенсию да редкими встречами с соседями по подъезду. Да, ты прав, ты никому не нужен, но ответ, нужен ли кто-нибудь тебе? – в голосе Смерти послышались металлические нотки. – Неужели я не права?

– Даже если ты и права, так что же?! – голос старика сорвался на крик. – Я полжизни не был никому нужен, так почему же теперь я должен в ком-то нуждаться? Да, я уже стар, но я многое понял! И я хочу докричаться до людей, способных меня понять! Мне этого достаточно!

– И какой в этом смысл? – тихо спросила смерть.

– Что значит, какой смысл? – не понял старик.

– Ты же пишешь роман о жизни... И что же ты хочешь объяснить про жизнь другим людям? Как ты можешь рассказывать о жизни после долгих лет одиночества? Что такого ты

понял?

Старик прошелся по комнате взад-вперед. Он молчал очень долго, нервно теребил в руках ни в чем не повинный коробок спичек, но, наконец, кинув его на стол, тусклым голосом произнес:

– Я понял, что жить без любви нельзя.

– Но ты живешь без любви! Ты забыл, что такое любовь женщины, твои дети не помнят про тебя, даже собаку, и ты себе не завел.

– Об этом я и пишу, – прошептал старик и устало опустился на стул у окна. – Об этом я и хотел написать...

Дрожащими пальцами он нащупал в темноте клавиши пишущей машинки и несколько раз ударил по пробелу. Облако пыли слетело с пожелтевшего листа и достигло небольшого круга света, отбрасываемого лампой. Каретка устало дернулась, тяжело переместилась на несколько позиций левее и замерла. Старик заплакал.

Смерть поднялась с кресла и неслышными шагами направилась в сторону двери.

– Ты куда? – удивился старик.

– Я ухожу. – ответила Смерть.

– А я?

– А ты остаешься. Если тебе так надо. Я имею на это право. Считай это моей благодарностью за чай. Ну, до встречи! – Смерть шагнула в дверь.

– погоди! Пстой! – закричал старик, мучительно пытаюсь

подняться и догнать своего неучтливового гостя.

Темная фигура в дверях остановилась, с удивлением обернулась. – Ты чем-то недоволен?

– Нет, то есть да! – в глазах у старика застыли слезы. – Забери меня с собой!

– Но ты же умрешь! – Смерть непонимающе смотрела на странного человека, которому она подарила жизнь.

– Да, я умру.

– А как же роман?

– А что роман, – усмехнулся старик сквозь слезы. – Наверное, ты все- таки права. Нужно ли это кому-нибудь? Не мне решать, что человеку необходимо, и без чего он вполне сможет обойтись. Пусть решают сами, ведь это их жизнь. А мое время уже ушло. Наверное, я действительно давно уже мертв. Так чего тянуть?

Смерть молча подошла к старику и легонько коснулась его кончиками пальцев. В неярких отблесках света настольной лампы на мгновение показалось, что рука ее дрогнула, но, наверное, это была, всего лишь, игра теней.

*****

За окном наступила ночь. Ветер гнал по асфальтовым дорожкам палую листву, слышалось только ее негромкое шуршание да шум теплого осеннего дождя. В тусклом свете уличного фонаря можно было различить фигуру старика, сидящую на стуле перед окном. Пальцы его лежали на клави-

шах пишущей машинки, но слов, напечатанных им на пожелтевшем от времени листе было не разобрать. А, может быть, их вовсе и не было. На умиротворенном лице старика застыла легкая улыбка. Старик был мертв.

Июнь 2001г.